Андрей
Алдан-Семенов

Андрей
Алдан-Семенов

Роман

ИЖЕВСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «УДМУРТИЯ»
1980

Р2
А45

Алдан-Семенов А. И.
Красные и белые.— Роман.— Предисловие Я. Чанышева. Художник И. Нурмухаметов.— Ижевск: Удмуртия, 1980.— 560 с. и 9 л. вкл.

На большом документальном и социальном материале автор воссоздает картину вооруженной борьбы Красной Армии, рисует портреты героев гражданской войны — командарма Тухачевского, легендарного начдива Азина, которого народ Удмуртии считает национальным героем.

$А\ \frac{70302-043}{М134(03)-80}35-80$ 4702010200 Р2

АНДРЕЙ АЛДАН-СЕМЕНОВ

Имя Алдан-Семенова хорошо зиают как у нас в стране, так н за рубежом. Его пронзведення нзвестны в Англни и Болгарин, Польше н Япоиин, Канаде и Италии, онн переведены на языки народов СССР.

Сын вятского крестьяннна-бедняка, Андрей Семенов в голодном двадцать первом году ушел нз деревнн в город. Беспризорником познал нужду и горе, но страсть к открытню мнра владела им еще с юных лет.

Я все Отечество нзъезднл,
Прошел н вдоль, н поперек,
Я знаю тысячн созвезднй,
Я помню тысячн дорог,

— прнзнавался он в одном нз стихотвореннй. От берегов родной рекн Вяткн ои прошел до Берннгова моря. Пустынн и горы Казахстана, снбнрская тайга, просторы Дальнего Востока, большинство областей Росснн — все нсхожено неутомимым, любознательиым поэтом. Алдан-Семенов работал землекопом, добывал золото и олово, был дровосеком, рыбаком, с геологическнм молотком броднл по ущельям и распадкам Севера, участвовал в великнх стройках первых пятнлеток. Турксиб, Магннтка, Кузнецкстрой, Орско-Халнловскнй металлургический комбиат, днкне скалы Индигиркн, полюс холода Оймякон помнят пнсателя в разные перноды его жнзнн.

Удмурты, казахн, татары, якуты счнтают его своим земляком н другом. И это действнтельно так. Еще в трндцатые годы он переводнл на русскнй язык песнн и сказкн удмуртского народа, проводнл декаду удмуртской литературы н нскусства в Кирове (Удмуртия тогда входила в Кировскнй край). Позже Алдан-Семенов переводнл такнх удмуртскнх поэтов, как Флор Васильев, с которым его связывала большая дружба. Алдан-Семенов хорошо знает историю удмуртского народа, побывал почтн во всех местах республики, и не случайно самые яркие страиицы его романа «Красные и белые» посвящены опнсаиию сражеинй за Ижевск, Сарапул, Агрыз, Воткннск.

Алдан-Семеиов открыл народного акына Казахстана Джамбула Джабаева, переводнл на русскнй язык татарскнх поэтов Такташа, Туфана, Ернкеева. Татары — участники гражданской войны — занимают видное место в его романах «Красные и белые» и «Гроза над Россией».

Пятнадцать лет прожил он в Якутии, и его роман «На краю океана», повесть о путешественнике Черском, многие стихи, рассказы связаны с историей и сегодняшним днем якутов.

За заслуги в развитии советской литературы А. Алдан-Семенов награжден орденом «Знак Почета».

После многолетних странствий, с большим жизненным опытом, поэт-путешественник обратился к прозе. Северные повести и рассказы «Золотой круг», «Сага о Севере», «Черский», «Семенов-Тян-Шанский» принесли ему широкую известность. Золотоискатели и рыбаки, исследователи и ученые-географы стали героями этих произведений. Люди труда, постоянного поиска и подвига, люди смелые, решительные, неуемные — несмотря на все трудности и злоключения — живут и действуют в повестях Алдан-Семенова.

«Русские открывают для себя великую Россию», — говорит его герой — знаменитый ученый Семенов-Тян-Шанский. «Если бы люди не путешествовали, как бы они узнали о красоте и величии мира», — утверждает другой подвижник науки, Черский. Для героев северных повестей — от простого золотоискателя до выдающегося ученого, может быть, лучшим девизом является поэтический девиз самого автора:

Если жив еще —
борись!
Полумертвый —
продвигайся,
Смерть увидишь —
не сдавайся,
А настигнет —
не страшись!

Кажется совершенно естественным и закономерным, что поэт романтического настроения, действия и мужества обратился к военно-исторической теме. Незабываемые события Октябрьской революции и гражданской войны, яркие, мужественные характеры творцов и защитников революции, подвиги его рядовых бойцов, красных партизан, командиров и комиссаров не могли не вдохновить Алдан-Семенова.

У каждого писателя есть своя главная книга — та, в которой он запечатлел эпоху и время, свое мировоззрение. Для Алдан-Семенова это трилогия «Красные и белые» (1966—1973), «Гроза над Россией» (1976), «На краю океана» (1975—1976). Нам, ветеранам, — участникам великих битв за революцию, особенно интересен роман «Красные и белые», в котором художественно и философски осмысливаются деяния советского народа и Коммунистической партии под руководством Ленина. Вспоминая свои былые военные походы и битвы, грозную обстановку тех далеких лет, особые условия, характерные только для гражданской войны, поражаешься умению писателя воссоздать во всей его необычности и своеобразии героическое прошлое.

Есть в романе эпизод, казалось бы, не типичный, случайный, но в нем, как в капле воды, отразилась сложная, запутанная обстановка тех времен. Ночью с разных концов в сибирское село вошли два полка: 45-й полк красных и 45-й полк белых. Вошли, не подозревая, что принадлежат к разным лагерям: никаких воинских отличий у них не было. Сошлись красные и белые, и каждый считал себя бойцом 45-го полка. Утром недоразумение раскрылось, и начался бой.

Такие случаи, на первый взгляд невозможные, подчеркивают неповторимость условий гражданской войны. В больших и малых событиях, в ожесточенных битвах, развернувшихся на необъятных просторах России, писатель выделяет самую суть явлений: красные сражаются за идеи будущего советского общества, белые — за свои утраченные права и привилегии. Алдан-Семенов не упрощает, не принижает силу и ум представителей враждебного лагеря; у белого движения были талантливые, опытные военачальники (к примеру, Колчак, Каппель, Врангель); и вот этих образованных, искушенных в воинском деле генералов, их войска, состоящие из отборных офицерских полков, вооруженных до зубов врагами Советской власти — американскими и английскими империалистами,— наши красные полководцы победили.

Известно, что Восточный фронт был главным фронтом молодой нашей Республики в годы гражданской войны. В. И. Ленин писал: «Победы Колчака на Восточном фронте создают чрезвычайно грозную опасность для Советской республики. Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака» *.

Алдан-Семенов показал в своем романе, как рождалась и крепла в непрестанных боях Красная Армия, как побеждали коварных и умных врагов молодые советские военачальники Тухачевский, Блюхер, Азин, Гая Гай, Вострецов, как несли в народ, в армию ленинские революционные идеи комиссары Куйбышев, Фурманов, Маркин, Пылаев, Лариса Рейснер, Иван Волков — героический сын удмуртского народа.

Наиболее полно и ярко показан в романе «Красные и белые» двадцатитрехлетний комдив Владимир Азин — один из освободителей Казани от белогвардейщины, тот самый Азин, что разгромил колчаковцев в Ижевске, Сарапуле, Екатеринбурге. Его образ — крупная художественная удача писателя. Алдан-Семенов не только вернул новым поколениям полузабытое имя легендарного героя гражданской войны, но воссоздал его во всей сложности характера. Азин — непримиримый враг врагов революции, храбрый в бою, верный в дружбе, нежный в любви, горячий, нервный, признающий свои промахи, ошибки, беззаветно преданный партии и народу — таким он был в жизни, таким встает и со страниц романа.

К бесспорным удачам писателя следует отнести и образ выдающегося рыцаря революции, крупного теоретика по оперативному искусству Михаила Тухачевского. Главы, посвященные становлению, росту, мужанию полководческого таланта Тухачевского, его интеллектуальной жизни, разносторонней деятельности, — это художественная летопись нашей истории. С именем Тухачевского связано освобождение от колчаковцев и эсеровской белогвардейщины Симбирска, Самары, Златоуста, Челябинска, Омска — призрачной столицы призрачного «верховного правителя России».

Степан Вострецов, Витовт Путна, Сергей Гусев, профессор астрономии Штернберг, Генрих Эйхе — военачальники и комиссары, ученики и соратники Ленина, творцы революции и ее защитники — проходят перед читателем. Они терпят временные неудачи, живут в невыносимых условиях, но в конце концов побеждают многоопытного противника, ибо являются выразителями чаяний народа, борются во имя светлого будущего.

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 271.

Алдан-Семенов верен правде жизни, он не приукрашивает исторического фасада. Цвета времени — красный и белый — у него часто превращаются в полный спектр художественного изображения непримиримой классовой борьбы.

Роман «На краю океана» примыкает к «Красным и белым» как произведение, показывающее последние схватки гражданской войны.

«На краю океана» — самостоятельный роман, со своим сюжетом, своими героями, но он неразрывно связан с «Красными и белыми».

Разгромленные, выброшенные Красной Армией на край Тихого океана, колчаковцы, каппелевцы, семеновцы с помощью японских и американских интервентов все еще мечтают восстановить монархию в России.

На краю океана оказались царские генералы, бароны, князья, помещики, гвардейские офицеры, крупные банкиры, купцы всех мастей, великосветские авантюристы и искатели приключений. У этих людей осталась тоска по утраченной власти, дворянским привилегиям да ненависть к партии большевиков. Они живут последним разгулом, грабят местное население, расхищают золотые и пушные запасы страны, продают по частям иностранным капиталистам и Дальний Север, и Дальний Восток, и Приморье, лишь бы получить военную помощь для продолжения борьбы с большевиками.

Еще правит в Приморье «русский воевода» генерал Дитерихс, еще свирепствуют в тайге и на побережье банды Семенова, Унгерна, Калмыкова, еще мечтают генералы Пепеляев, Ракитин и Вишневский о кровавом походе на Москву через Аян, Охотск и Якутск.

На американские деньги, на японских кораблях «добровольческая дружина», состоящая из гвардейских офицеров и помещичьих сынков, под командой опытного генерала Пепеляева высаживается в Охотске и Аяне, чтобы начать свой фантастический поход на Якутск и дальше через Иркутск и Урал на Москву.

Командующий Пятой армией Иероним Уборевич — герой Спасска (талантливый сподвижник Фрунзе во время разгрома Врангеля на Южном фронте) — разработал план боевых действий против последнего выступления русской контрреволюции. По его плану был создан Особый отряд под командой большевика Яна Строда. Выступивший из Якутска навстречу генералам отряд встретился с ним на Лисьей поляне, в глубине зимней тайги, и, выдержав двадцатидневную осаду, без жилища, хлеба, с жалким запасом оружия, победил врага.

Страницы осады Лисьей поляны и непрестанных боев под северным сиянием, при морозе в 50 градусов — самые яркие в романе.

И наконец заключительная часть трилогии — «Гроза над Россией», посвященная пламенному революционеру, великому полководцу революции Михаилу Васильевичу Фрунзе. Написанный на строго документальной основе, роман в то же время является высокохудожественным произведением. В этом его особая ценность.

Многие волнующие страницы в романе посвящены В. Куйбышеву, М. Тухачевскому, И. Уборевичу, В. Чапаеву, С. Вострецову, Д. Фурманову, Н. Новицкому, П. Батурину. Но главный герой романа, конечно же, М. В. Фрунзе. Не случайно автор предпослал своей работе строки Гете: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой».

Это — ключ к повествованию о жизни и деятельности профессионального революционера: аресты, смертные приговоры, замененные каторгой, ссылка в Сибирь, побег и снова деятельность большевика-подпольщика в тылу, на фронтах первой мировой войны. Участие в разгроме генерала Корнилова, установление Советов в Шуе, Иваново-Вознесенске, борьба с юнкерами за власть Советов в Москве, с мятежом левых эсеров шестого июля 1918 года, формирование красногвардейских отрядов, советской милиции, воинских частей для Восточного фронта — все это связано с именем Фрунзе. Алдан-Семенов убедительно показывает, как Фрунзе, с присущей ему убежденностью, боролся за ленинскую национальную политику партии в Туркестане.

Нужно отметить и то, что автор в романе, да и во всей трилогии, пользуется новыми, или же несправедливо забытыми историческими документами из военных архивов, музеев, личными воспоминаниями, дневниками и письмами участников гражданской войны.

Но автор не ограничился только архивными документами, он прошел по тропе своих героев — Азина, Л. Рейснер, Маркина, Тухачевского, побывал в Казани, Вятских Полянах, Свердловске, встречался с азинцами, партизанами, бойцами Пятой и Второй армий.

Алдан-Семенов не просто описывает события гражданской войны, воссоздает характеры красных и белых, он осмысливает эпоху и время, размышляя, оценивая, сопоставляя, анализируя явления, приведшие одних в лагерь революции, других — в стан ее врагов. Не будучи военным специалистом, он глубоко, верно и конкретно развернул в художественной форме не только замысел Фрунзе по подготовке наступления на Колчака под Уфой, но и планы противника, художественно проанализировал плюсы и минусы операций, соотношение сил, причины побед и поражений.

А. И. Алдан-Семенов исключительно тонко и правдиво охарактеризовал глубокое понимание М. Фрунзе и В. Куйбышевым ленинской национальной политики, их знание быта и обычаев мусульманского населения Средней Азии.

Трилогия Алдан-Семенова — это история революции в художественных образах, созданных с незаурядным мастерством.

Не случайно издательство «Удмуртия» избрало роман «Красные и белые» для переиздания к шестидесятилетию автономии Удмуртии. Перед читателями встанут незабываемые картины первых лет революции, когда русские, удмурты, татары, представители многих других национальностей героически боролись за свою свободу, независимость и новую жизнь.

Якуб Чанышев,
генерал-лейтенант

Ольге Антоновне
Алдан-Семеновой
посвящаю

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Шел девятьсот восемнадцатый год.

Наступало сто пятьдесят девятое утро революции.

Революции полны неожиданностей, и люди приходят к ним негаданными путями.

Было раннее апрельское утро, в солнечной дымке искрились березы, взблескивали ледком дорожные лужи, на обочинах бурел ноздреватый снег. Гомонили грачи, плакали чибисы.

Подпоручик гвардейского Семеновского полка Михаил Тухачевский возвращался в родное гнездо. Зарыв озябшие ноги в сено, переживая нетерпеливую радость возвращения в материнский дом, он поглядывал на знакомые и неузнаваемые от весенней распутицы поля и думал сразу о многом. Думал о том, что жизнь его похожа на непрестанно изменяющийся поток. Уже давно поток этот петляет по русским, польским, немецким дорогам войны, спутались в нем кровь и грязь, подневольное существование и радость возвращенной свободы. Ценою больших испытаний вернул он свободу, выбрался из Швейцарии в Петроград, к своему Семеновскому полку.

Среди гвардейских офицеров нашел Тухачевский полный разброд. Семеновцы, из века в век надежная опора монархии, перешли на сторону революции, не все, конечно, часть разбежалась по домам, часть — бескомпромиссные монархисты — отвергла власть народа.

Тухачевский командовал в полку ротой, что было большой честью для него: в Семеновском и Преображенском полках ба-

тальонами командовали полковники, и сам государь император считался полковником Серебряного батальона преображенцев.

Царь в лицо знал офицеров гвардейских полков, и все назначения в них зависели или от его желания, или от его каприза. Тухачевский был единственным, кто стал командиром роты на фронте, во время боя,— это выделяло подпоручика из числа остальных офицеров.

Солнце цвело в снежных кристаллах, ледок быстро плавился, стебли полыни влажно мерцали. Тухачевский вдыхал запахи талой воды, прелых листьев, оттаявшей земли и теперь думал о встрече с родными. Что они? Как они? Живут ли попрежнему в своей усадьбе? Еще в дороге он узнал: в губернии происходило повальное выселение помещиков, сожжены чуть ли не все барские дома. Он представил мать с ее широким темным лицом крестьянки, сестренок, брата — без крыши над головой, и сердце тревожно забилось. Стараясь не волноваться, он вообразил иную встречу, и Машенька Игнатьева возникла перед ним с такой отчетливостью, что сразу стало жарко.

Дорога метнулась на косогор, с вершины его он увидел сельцо Вражское, темно-зеленую тучу соснового бора, тусклое зеркало пруда, сельскую церковь, похожую на облако из каменных кружев.

Вдоль пруда разметались избы, сараи, амбарушки, конюшни, виднелись сады вперемежку с огородами, соломенные ометы, скирды пшеницы, прясла изгородей с почерневшими снопами конопли.

На берегу, окруженный голыми вязами и яблонями, стоял просторный деревянный дом.

Бледная красота родных мест властно овладела душой. Тухачевский выскочил из кошевки и помчался к пруду, оскальзываясь на проталинах, раздавливая звонкий ледок в лужах. Он бежал мимо зарослей ольхи с желтыми, как цыплячий пух, сережками, мимо ивняка с красной корой.

Он взлетел на крыльцо, распахнул дверь прихожей, неожиданный и нежданный.

Его и в самом деле не ждали.

Встреча произошла такой, как мечталось ему, и все же не совсем такая. Были объятия, слезы, поцелуи, возгласы, удивленные, радостные, но он тут же заметил: мать выглядит совсем старой и измученной, брат вытянулся и посерьезнел, сестра стала краше, но суетливее. И дом уже был не таким, высокие когда-то потолки казались ниже, он ударился головой о притолоку.

Впервые за последние годы он сидел с матерью, сестрами и братом за одним столом.

— Я страшно боялся, что вас выселили из дома,— сказал он матери.

— В уезде не тронули только Тарханы да нашу усадьбу,— со вздохом ответила Мавра Петровна.— Ну, Тарханы — дело понятное. Мужички Лермонтова чтут, Михаил Юрьевич — народная святыня. А вот за что нас помиловали? Думаю, за отца. Николай-то Николаевич дружил с мужиками, а у народа дружба — вещь великая. Почему ты так странно одет? Где твой гвардейский мундир? — неожиданно спросила Мавра Петровна.

— Я теперь инструктор Военного отдела ВЦИКа и не ношу мундира.

— Что это означает — ВЦИК? Слово-то какое татарское.

Он объяснил.

— Это вроде бывшего сената?

— Вроде, да не совсем.

— Ты хоть надолго приехал? — переменила тему Мавра Петровна.

Он прочел в глазах матери беспокойство за его судьбу, деликатно ответил:

— Меня отпустили на три дня.

Мать грустно покачала головой.

— Где теперь Машенька Игнатьева? — спросил он у сестры.

— Переехала в Пензу. Ах, как она похорошела! И часто тебя вспоминает. Это ведь Маша сообщила нам о твоем подвиге...

— Что за подвиг? Впервые слышу.

— О тебе же «Русское слово» писало: подпоручик Тухачевский и поручик Веселаго взорвали мост через реку в тылу неприятеля. Расскажи, как совершаются подвиги? — потребовала сестра.

— Подвиги, подвиги! — уныло повторил он.— Это все, сестра, позолоченные, пустые слова. Уж лучше я расскажу тебе о бессмысленной бойне, на которой погибали русские люди.

...Вечером Тухачевский долго играл Моцарта, которого любил почтительно и нежно. А после игры никак не мог уснуть. Сидел на постели, любуясь Венерой, блестевшей в сучьях голого вяза. Почему-то думал: «А все-таки из всех звезд, сотворенных богом, самая бунтарская — Земля, на ней же самые непокорные бунтари — поэты. Если грех — это человеческий выпад против бога, то поэты грешат вдвойне. Они нападают и на бога и на земных тиранов».

Старый вяз, озаренный Венерой, помог ему сравнить поэзию с таким же могучим деревом. «Поэзию, как и этот вяз, обхлестывают метели, ломают вихри, обжигают грозы. Осыпаются листья — умирают поэты, набухают почки — нарождаются новые певцы, ибо корни дерева поэзии связаны с почвой свободы».

Он закрылся одеялом, зажмурился и, чтобы скорее уснуть, стал считать. На второй сотне сбился, начал счет заново, но память упрямо возвращала его к немецким лагерям для военнопленных. Он опять видел грязные казематы, овчарок, на-

лесной лужи, и все голубое, и все дымчатое становится опять близким и милым.

Азин заворочался, пытаясь проснуться и не постигая, что видит лишь сон и от одного видения переходит к другому.

Он опять идет, но уже цветущей рожью, над ним звенит жаворонок, рядом бьет перепел. С каждого колоска стекает солнечная капля, с каждым шагом он из подростка превращается в золотоглазого, светловолосого юношу...

Предутренняя мгла посерела, синий квадрат окна выделился из нее почти с осязаемой выпуклостью: кто-то толкает Азина в плечо, он просыпается со счастливой улыбкой — перед ним в заснеженной папахе Граве.

— Доброе утро, Азин! Ночь истекла, я пришел за ответом.

— Я расстреливал ваших офицеров, расстреливайте и меня...

— Красивые, но глупые, пустые слова! Мы же тебя не просто ликвидируем, мы опозорим твое имя. Уже отпечатано воззвание к бойцам Двадцать восьмой дивизии. Я сам сочинил его, Азин!

Граве вынул из кармана листовку:

— «Звездоносцы, боевые орлы! К вам обращается Азин, ведший вас на Казань, Ижевск, Екатеринбург! Хватит крови! Довольно жертв! Бейте красных, переходите к белым!» Когда я поведу тебя на расстрел, наш самолет пролетит над красными, разбрасывая эти листовки. Что скажут твои дружки? Изменником станут величать своего славного командира. Люди забывчивы и неблагодарны, Азин.

— Что бы они ни сказали — это их дело. Я ведь все-таки знаю, что не струсил, не переметнулся к вам. Я, даже мертвый, сильнее вас...

— Тогда отправляйся в ад!

— В раю хороший климат, зато в аду приличное общество...

23

Зарастали повиликой окопы, ползун-трава заполняла воронки. Пряталась в чертополохе колючая проволока, ржавели в полыни расстрелянные гильзы. Пустынно было на берегах Камы; вода лениво пошлепывала в разрушенные дебаркадеры, якоря позаметало песком.

Пароход, стуча колесами, полз против течения, разворачивая зеленую панораму Предуралья. Игнатий Парфенович ходил по палубе, закинув за спину руки, глядел на знакомые до сердечной боли места. Скоро должен появиться Сарапул. Лутошкин волновался и грустнел. Воспоминания одолевали его, и не хотелось вспоминать, и невозможно было не вспомнить.

Сумерки уже таились в тенях береговых обрывов, в темном

блеске листвы. В западной стороне неба играли стожары, луговые дали левобережья были по-майски прозрачны. Из оврагов белыми сугробами вставала цветущая черемуха. Игнатий Парфенович пристально вглядывался в вечерние пейзажи, и вдруг тревога охватила его: в этих местах с ним случилось страшное происшествие. Ну конечно же это Гольяны!

Игнатий Парфенович вспомнил «баржу смерти», арестантов в рогожках, с лицами черными, словно ночной мрак, самого себя рядом с доктором Хмельницким. Еще увидел неровный строй босых мужиков с медными крестами на обнаженных грудях и палача Чудошвили с деревянной колотушкой в руке. Камская вода с глухим всплеском принимала убитых.

— Чудошвили, Чудошвили! — прошептал Игнатий Парфенович.— Палач вятских мужиков! Где ты сейчас, что делаешь? Что замышляешь? Ведь преступники всегда что-нибудь да замышляют.

Игнатий Парфенович вернулся в каюту, присел к столику, на котором лежал его дневник. Раскрыл его на одной из страниц: «Каждое утро я просыпаюсь с чувством удивления, что еще жив. Слишком много потрясений выпало на мою долю в последние два года. Я не могу сосредоточиться на своей внутренней жизни, подумать о новых временах России. Теперь все стало необозримо, как в мощном потоке без берегов, и революция явилась точкой отсчета новых дней. Что принесут они народу, как изменят землю русскую? Люди привыкли думать о золотом веке человечества только в прошлом времени, но сами-то они устремлены в будущее: значит, золотой век еще впереди...»

Игнатий Парфенович свел к переносице брови, насупился. Перевернул страницу дневника.

«Революция изменила мои представления о свободе, братстве, равенстве, незаметно для себя я стал пропагандистом материализма, хотя и не во всем согласен с ним. Материализм обращается к людям дальним, я же интересуюсь только ближними. Для меня счастье всех — это счастье каждого в отдельности. По-моему, любить-то надо человека, а не человечество в целом. Материализм отрицает самое главное, чем я живу,— бога! Но, упраздняя бога, материализм должен возвышать человека до уровня творца: ведь творчество божественно в своей основе и вся деятельность человека — это восьмой день миросотворения. В каких-нибудь два года Россия стала новой, трудно понимаемой и объяснимой, народ взбудоражен, хлещут через край социальные страсти, идеи потрясают умы и сердца. События меняются с ужасающей быстротой, старый мир хватается за все, на что еще можно опереться и положиться, но революция опрокидывает и устои, и опоры, и надежды старого мира. А русский человек поднимается, встает в полный рост, в человеке возникает неодолимое, страстное желание творить. Творить, соревнуясь в творчестве с другими, и своей деятельностью вызывать

сочувствие всего мира,— ведь если мировая революция произойдет, то лишь благодаря этому сочувствию. Тогда у людей появится общность цели, и это будет великолепно». Эти вчерашние мысли теперь не давали ему радостного сознания непреложности их.

В распахнутое окно залетел речной ветерок, нанося запахи цветущих рощ. Река гасила сочные краски заката. Игнатию Парфеновичу вспомнился Азин. «Такие, как он, накладывают печать личности на время, на события, на самое бурю. Азин проявил себя в военном деле так же, как поэт в эпосе, композитор в симфонии. У народа своя живая, не похожая на книжную, память. Имена его героев подобны погасшим звездам, чей свет все еще идет к нам из глубины вселенной и все сияет во времени. Азин погас, а имя его продолжает светиться...»

Игнатий Парфенович сошел с парохода в Сарапуле. Забросив за плечо вещевой мешок, зашагал по шпалам, между которыми росли сорные травы. Лунные полосы спали на ржавых рельсах, на опрокинутых вагонах — следы войны и разрухи казались размытыми в холодном их блеске.

На вокзале было полно народу, словно вся Россия сорвалась с места, но никто не знал, уходят ли с этой станции куда-нибудь поезда.

— Поездов на Казань не предвидится,— ответил дежурный.

— Может быть, товарный пойдет? — с робкой надеждой спросил Лутошкин.

— И товарных нет. Скоро пойдет военный, особого назначения. К нему соваться не думай — заарестуют...

Игнатий Парфенович присел на скамейку, вздыхая от неустройства своей скитальческой жизни. После боя на Маныче, тяжело раненного, его отправили в полевой госпиталь. Когда он вышел из госпиталя, азинская дивизия уже сражалась на Кавказе. Лутошкина демобилизовали, он решил вернуться в вятские края для тихой жизни, еще не понимая, что окончилась созерцательная жизнь всяких отшельников на Руси.

Подошел поезд особого назначения. В тамбурах маячили часовые, видно было, что поезд охраняется с особой тщательностью. Из трех пассажирских вагонов выпрыгивали красноармейцы.

— Эй, старик! Кинь сухариков! — попросил Лутошкина белобрысый боец.

Игнатий Парфенович повернулся на голос, боец пристукнул башмаками и вдруг обнял его.

— Нашелся, Андрюша, нашелся! — всхлипнул Игнатий Парфенович.

Не думали они, не гадали, что сведет их судьба снова на дорогах странствий. Паровоз дал свисток отправления, Шурмин схватил за рукав Игнатия Парфеновича, потащил к вагону.

— Айда, садись. Я же начальник золотого эшелона.

В вагоне Игнатий Парфенович столкнулся с Саблиным.

— Ха, старый знакомый! Ты, горбун, живуч, как репейник. Ну, здравствуй, ну, и рад, что дожил до мирных времен.

— У вас, Давид, вид цветущий. Очень уж я люблю жизнерадостных людей, это, вероятно, по закону контраста,— пошутил Игнатий Парфенович.

Поезд тронулся с места, набрал скорость, а они сидели в купе и говорили-говорили длинными, путаными отступлениями, вспоминая без конца, удивляясь своим воспоминаниям.

— Ты знаешь, как погиб Азин? — спросил Шурмин.

— Никто не знает, как он погиб, но я слышал разные рассказы о его трагической смерти. «Азина расстреляли в станице Ергалыкской»,— говорят одни. «Его возили в железной клетке по улицам Екатеринодара, и надпись предупреждала: «Осторожно! Красный зверь Азин» Потом забили его камнями»,— утверждают другие. Третьи, выдавая себя за очевидцев, клянутся, что на заимке под Тихорецкой казаки разорвали Азина лошадьми. Четвертые свидетельствуют — Азина повесили на базарной площади в самой Тихорецкой. В четырех этих смертях я вижу бессмертие Азина...

Игнатий Парфенович замолчал, и все трое посмотрели на блестящие от лунного света речушки и озерца, мелькавшие за вагонным окном.

— Куда ты все-таки, Парфеныч, едешь? Что думаешь делать? — допытывался Саблин.

— Поедем с нами в Казань,— предложил Шурмин.— Сдадим золото и начнем новую жизнь.

— Мне осталось доживать свой век, размышляя о боге, революции и человеке. Давно ли я мучился вопросом—кто нужнее России? Красные? Белые? Революция теперь решила этот вопрос. Революция открыла новый путь России, но что ожидает на этом пути Россию?

1966—1973
Москва — с. Сугоново на Тарусе

Андрей Игнатьевич Алдан-Семенов

КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ

Роман

Редактор *Т. А. Поздеева*
Художественный редактор *А. П. Николаичев*
Художник *И. Н. Нурмухаметов*
Технический редактор *С. И. Зянкина*
Корректоры *Н. С. Суксина, Л. Н. Юшкова*

ИБ № 404

Сдано в набор 06.02.80. Подписано к печати 30.06.80. Формат 60×90 1/16. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 35. Уч.-изд. л. 38. Заказ № 0425. Тираж 40 000 экз. Цена 2 руб. 65 коп.

Издательство «Удмуртия», 426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.

Республиканская типография Государственного комитета Удмуртской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.

KCS 3 4.

2 руб. 65 коп.